

Логическая концепция Нисиды Китаро как отражение типа рациональности японского языка и культуры

Л.Б. Карелова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-59-70

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Поиск системообразующих оснований типов рациональности, присущих различным культурам, по-прежнему остается открытой проблемой, сохраняющей свою актуальность в условиях необходимости более тесного межкультурного взаимодействия в глобальном мире. При этом анализ логики языка в качестве основы исследования типов рациональности продолжает занимать важное место. Вместе с тем изучение грамматических структур и языковых моделей с точки зрения их соответствия определенному типу мышления, влияния на способ философствования до сих пор количественно уступает изысканиям в области лексики. Расширение такого рода исследований с привлечением многообразного культурного материала со временем позволит выйти на уровень установления закономерностей более общего характера. Настоящая статья вносит вклад в разработку данной проблематики на японском материале. Автор рассматривает подходы к определению парадигмы японской рациональности, предлагаемые исследователями грамматических особенностей японского языка, с одной стороны, и концепции «логики места» и принципа «абсолютно противоречивого тождества», сформулированных выдающимся философом Нисидой Китаро (1870–1945), с другой. Особое внимание обращается на структурное сходство вычленяемой лингвистами грамматической формы, в которой определяющая роль принадлежит глаголу, и логической модели Нисиды Китаро, отражающей специфику соотношения субъекта и предиката суждения, а также понимания отношения противоположения в терминах «самопротиворечивого тождества». В заключении статьи на конкретных примерах высказываний Нисиды Китаро демонстрируется связь данной модели с пониманием субъекта, формированием эпистемологии, преодолевающей дуализм, процессуальным и космоцентрическим осмыслением мира.

Ключевые слова: японская философия, язык, мышление, субъект, Нисида Китаро, «логика места», «абсолютно противоречивое тождество».

Карелова Любовь Борисовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора восточных философий Института философии РАН.

lbkarelova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8207-801X>

Цитирование: *Карелова Л.Б.* (2018) Логическая концепция Нисиды Китаро как отражение типа рациональности японского языка и культуры // *Философские науки*. 2018. № 7. С. 59–70.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-59-70

Nishida Kitaro’s Logical Theory as a Reflection of the Rationality of Japanese Language and Culture

L.B. Karelova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-59-70

Original research paper

Summary

The search for the backbone of the types of rationality inherent in different cultures keeps on to be an open problem, which remains relevant to the need of closer intercultural interaction in the global world. At the same time, the analysis of the logic of language as the basis for the study of rationality types continues to occupy an important place. Meanwhile, the studies of grammatical structures and language models from the point of view of their connection to a certain type of thinking and influence on the method of philosophizing are still quantitatively inferior to the researches of lexical aspects. Expansion of this type of research with the involvement of a diverse cultural material over time will allow us to reach the level of establishing regularities of a more general nature. This article contributes to the development of this issue. The author deals with the approaches to the definition of the paradigm of Japanese rationality proposed by researchers of grammatical features of the Japanese language, on the one hand, and the “logic of place” concept and the “absolutely contradictory identity” principle of prominent philosopher Nishida Kitaro (1870–1945), on the other hand. A special attention is drawn to the structural similarity of the grammatical form highlighted by linguists, in which the decisive role belongs to the predicate, and to Nishida’s logical model reflecting specifics of subject-predicate relationship as well as perception of opposition in terms of “contradictory self-identity.” In the conclusion of the article, the author demonstrates the relationship of this model with the certain idea of subject, the type of episte-

mology overcoming dualism, the processual and cosmocentric comprehension of the world that can be traced in Nishida's statements.

Keywords: Japanese philosophy, language, thinking, subject, Nishida Kitaro, logic of place, absolutely contradictory identity.

Liubov Karelova – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow at the Department of Oriental Philosophies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

lbkarelova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8207-801X>

Citation: Karelova L.B. (2018) Nishida Kitaro's Logical Theory as a Reflection of the Rationality of Japanese Language and Culture. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 7, pp. 59–70.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-7-59-70

Введение

Рациональность культуры далеко не тождественна логической рациональности и проявляется в самых разнообразных областях деятельности человека, включая повседневное поведение, политику, экономику, искусство, поэтому ее описание предполагает целый комплекс характеристик. Тем не менее, на наш взгляд, анализ языковой картины мира, грамматических структур мышления и логических моделей является наиболее удобным и информативным способом исследования национальных типов рациональности, поскольку именно они определяют особенности менталитета, проявляющиеся в различных сферах жизни.

Задача данной статьи – рассмотрение концепции «восточной логики» Нисиды Китаро в контексте анализа ряда особенностей грамматического строя японского предложения, а также выдвижение некоторых предположений относительно взаимосвязи данных особенностей и способа мировосприятия и философствования. В качестве примеров будут привлечены идеи самого японского философа, неразрывно связанного с национальной духовной традицией и оказавшего огромное влияние на последующее развитие философской мысли в своей стране.

Особенности грамматической структуры японского языка как контуры его мыслительной парадигмы

В Японии, начиная с эпохи Мэйдзи (1868–1912), довольно долго было распространено мнение, что на японском языке невозможно

логически мыслить, что он в принципе иррационален и алогичен. Такого взгляда придерживались, например, мыслитель, просветитель, первый министр образования Мори Аринори (1847–1889), писатель Сига Наоя (1883–1971), японский исследователь французской философии XVII в. Мори Аримаса (1911–1976) и др. Выдающемуся мастеру рефлексивной прозы Танидзаки Дзюнъитиро (1886–1965), которого иногда называют «японским Достоевским», принадлежит, в частности, высказывание: «Философские сочинения, переведенные на японский язык, становятся малопонятны. Грамматическая структура японского языка ущербна» [Танидзаки 1975, 55].

Проблема различия систем западной и японской рациональности впервые начала ощущаться и осмысливаться в процессе перевода западных философских и общественно-политических сочинений и создания японских грамматик по образцу западных. Поэтому она нашла отражение в первую очередь в исследованиях лингвистов. Среди причин, по которым японский язык считается алогичным, наиболее часто указывались следующие: «Он является алогичным, поскольку в японском языке можно опустить подлежащее» [Цукимото 2009, 3], «особенностью западных языков является центральное положение существительных, японского – центральное положение глагола» [Тояма 2006, 13].

Лингвист Токиэда Мотоки (1900–1967) впервые акцентировал важность контекста в языке и построил модель грамматической структуры японского предложения, уподобив ее конструкции ящика *ирэкобако*, содержащего внутри отделения в виде ящичков, вставляемых один в другой, каждый из которых представляет глагольную форму [Токиэда 2005; Токиэда 2007]. Современный исследователь японского грамматического строя Цукимото Хироси в книге «Японский язык логичен» отмечает, что «до периода Мэйдзи в учебниках японского языка не было понятия подлежащего» [Цукимото 2009, 63].

Описанная выше особенность до сих пор прослеживается в японском языке – и в письменном, и особенно в устном повседневном языке нередко отсутствует подлежащее. В частности, 1) когда речь ведется от первого лица, «я» часто опускается; 2) используются преимущественно безличные предложения в тех случаях, когда в европейских языках на первом месте стояло бы подлежащее; 3) в качестве подлежащего может выступать и предикатив, и словосочетание, и отдельное предложение [Сыромятников 1978, 110]; 4) можно привести много примеров, когда

именно глагольная форма сказуемого подразумевает и имплицитно содержит подлежащее и дополнение; 5) глагол стоит всегда в конце и управляет предложением и т.д.

Существует две точки зрения на грамматику японского языка, спор между которыми продолжается по сей день. Одна из них, утверждающая наличие и необходимость подлежащего в японском языке по аналогии с индоевропейскими языками, восходит к позиции составителя официальных школьных учебников Хасимото Синкити [Хасимото 1934]. Другая, сформулированная Миками Акирой, акцентирует частое отсутствие подлежащего и подчеркивает пространственный крен японского языка, определяемый ключевой ролью служебного слова *wa*, которое стоит в начале предложения и указывает не на подлежащее, а на местоположение, локализацию совершающегося действия [Миками 1960; Миками 1963]. Эта концепция преобладает в учебниках японского языка для иностранцев. Идею о том, что логика японского языка – это логика места и что бытие чего бы то ни было эквивалентно местонахождению где-то, определению места, поддерживает и современный исследователь японского грамматического строя Цукимото Хироси, утверждающий, что «логику японского языка можно назвать пространственной» [Цукимото 2009, 75–76].

Исследования грамматической структуры японского языка, несмотря на различие оценок, четко показывают, что он воспроизводит определенные структуры мышления. Характерно, что до знакомства японцев с западной философией в японском языке не было понятия «субъект». Впервые понятия «субъект» и «объект» появились в переводах и изложении идей отца позитивизма Огюста Конта и одного из создателей современной либеральной теории Джона Стюарта Милля у японского просветителя начала периода Мэйдзи Ниси Аманэ (1829–1897) в его сочинении «Система наук» (Хякугаку рэнкан, 1874) [Havens 1970, 106].

«Логика места» Нисиды Китаро

Интенсивное развитие японской философии в XX в. продемонстрировало, что доминирование глагола в языке и частое отсутствие подлежащего не исключают логику и рациональный дискурс.

Самый известный в мире японский философ Нисида Китаро (1870–1945), искусно полемизировавший со многими западными

философскими направлениями, не только убедительно показал, что японский язык обладает логикой, но и предпринял попытку сформулировать логические принципы, лежащие в основе его собственного учения, и показать их соотношение с системами классической формальной логики, тем самым создав почву для успешного диалога.

В статье «О философии Декарта» он сформулировал свою задачу так: «Я могу двигаться в двух противоположных направлениях в силу внутренне противоречивой природы нашего “я”. Первое – это направление утверждения “я”. Второе – направление отрицания “я”. Можно сказать, что западная цивилизация двигалась в первом направлении, а восточная – во втором. Однако сейчас мы должны возвратиться к нашей внутренне противоречивой природе и заново принять в качестве исходной позицию противоречивой самоидентичности. В этом состоит путь соединения культур Востока и Запада... Культуры Востока, ориентированные на отрицание “я”, не развили самостоятельной логики. Тем не менее сегодня, когда мы столкнулись с западной цивилизацией, мы должны обрести нашу собственную логику» [Нисида 1965b, 174–175]. В результате Нисида занялся созданием своей теории «восточной логики», или «логики места», которая отражала бы особенности космоцентрического и процессуального мировосприятия японцев.

Замыслом Нисиды было выявить модели мышления, преодолевающие ограниченность аристотелевской «логики субъекта», где все предикаты относятся к субъекту (*Нүпокейменон*). О соотношении своей логики с формальной логикой он пишет: «Неадекватные представления о связи Бога и нашего “я” возникают в рамках логики объектов. Я не отрицаю логику объектов, но я утверждаю, что она должна рассматриваться только как абстрактный момент внутри более конкретной логики... Ложные представления закрадываются, когда то, что мыслится в рамках логики объекта, получает догматически метафизический статус как вещь в себе. Ложные представления возникают в результате материализации понятий» [Нисида 1965с, 416].

Идея Нисиды, получившая название «логики места», заключается в том, что структуру суждения определяет не грамматический или логический субъект суждения, а предикат, представленный как предикативное поле. С одной стороны, в начале своего эссе

«Место» Нисида говорит, что при создании концепции «места» на него повлияло понятие *khora*, которое ему встретилось в платоновском диалоге «Тимей», где оно обозначает вместилище, содержащее идеи-матрицы всех вещей, оставаясь при этом неопределенным. С другой стороны, существует предположение, что на создание концепции места Нисиду натолкнуло восприятие предиката как места у неокантианца Эмиля Ласка (1875–1915) – ученика Генриха Риккерта (1863–1936) [Place and Dialectic 2012, 13–14].

В «логике места» (или «логике поля») субъекты определяются полем предиката, в котором они создаются. Предикат в модели Нисиды, понимаемый им как превосходящее место универсальности, определяет и пространственно превосходит субъект как свою собственную детерминацию и партикуляризацию. Само поле, или место, в свою очередь принадлежит полю более общего уровня и т.д. вплоть до предельного уровня «места абсолютного ничто». Таким образом Нисида пытается уйти от центрального положения изначально заданного независимого субъекта суждения.

Концепция «логики места» впервые получила теоретическое оформление в эссе «Место» («Басё», 1926) [Нисида 1965], включенном в книгу «От действующего к видящему» («Хатараку моно-кара миру моно-э», 1927), хотя ее контуры наметились уже в более ранних его работах. В одной из последних работ «Логика места и религиозное мировоззрение» («Басётэки ронри то сукё-тэки сэкайкан», 1945) [Нисида 1965с] Нисида снова вернулся к подробному рассмотрению логической темы.

Критический анализ логик Аристотеля и Канта помог Нисиде выявить и сформулировать иную логическую парадигму, отраженную в японском языке, которая позволила ему «представить каждый акт сознания как монаду самоотражения мира, имеющего в своей основе динамическую противоречивую структуру» [Нисида 1965с, 378]. Аристотелевскую логику «субъекта, который не может быть предикатом» [Нисида 1965с, 385] Нисида определяет как логику грамматического субъекта, или логику объектов. Ключевым принципом этой логики, в рамках которой формируется овеществленный, субстанциальный субъект, согласно Нисиде, является закон непротиворечия.

Трансцендентальную логику Канта Нисида высоко ценил как попытку выйти за пределы традиционной формальной логики, отвлекающейся от содержания мышления, однако квалифицировал

ее как «логику предиката, который не может быть субъектом» [Нисида 1965с, 385]. Сам же он претендовал на построение модели, снимающей обе крайности.

«Логика места» выступила основанием для выстраивания эпистемологии, преодолевающий дуализм. Динамическая картина мира, в которой индивид и его окружение, «я» и «другой» не противопоставляются друг другу, а взаимно порождают и взаимно определяют друг друга, получает отражение в логической парадигме, сформулированной в виде принципа «абсолютно противоречивого тождества» или абсолютного тождества противоположностей, в соответствии с которым «А есть в то же время не-А», а отрицание есть именно утверждение (*хитэй соку котэй*).

«Место» рассматривается Нисидой как локус взаимоутверждения и взаимоотрицания. Субъект и объект перетекают друг в друга, взаимоопределяют друг друга, в каждом новом акте познания они тождественны и в то же время уже нетождественны сами себе и друг другу. Нисида представляет каждый акт сознания как самопротиворечивое поле предиката, отражающее само себя внутри себя [Нисида 1965с, 383]. Отличие своего диалектического подхода от диалектики Гегеля Нисида видит в том, что Гегель исходил из субстанциального понимания субъекта и поэтому оперировал в рамках «логики объектов» [Нисида 1965с, 399].

В эссе «Абсолютно противоречивое самотождество» («Дзэт-тай мудзюнтэки дзико доицу») Нисида писал: «Мир, который движется самопроизвольно через противоречия, как единство противоположностей между множеством и единичным, всегда находится в противоречии с самим собой в настоящем; настоящее есть “место” противоречия. С точки зрения абстрактной логики невозможно утверждать, что вещи, которые противоречат друг другу, связаны; они противоречат друг другу именно потому, что они не могут быть связаны. Однако не может быть противоречия, если они никоим образом не соприкасаются друг с другом. Нахождение друг напротив друга уже есть синтез. Здесь зона владычества диалектической логики» [Нисида 1965а, 160].

Конкретные примеры утверждений на основе принципа «противоречивого самотождества» (*мудзюнтэки дзико доицу*) Нисида находит в наследии Нагарджуны, а также в дальневосточной буддийской традиции, где этот принцип выражается посредством парадоксальной с точки зрения формальной логики связки «есть

и в то же время не-есть» (*соку-хи*), которая присутствует в переводах сутр Праджняпарамиты, в сочинениях японских буддийских мыслителей, в частности учителя дзэн Дайто Кокуси (1282–1337) [Нисида 1965с, 398–399] и основателя школы японского амидаизма Синрана (1173–1263) [Нисида 1965с, 444]. В японских буддийских текстах изначально противопологаемые в обыденном сознании вещи (такие как «я» и «другие», конкретное и абсолютное, частное и общее, имманентное и трансцендентное и т.д.) связывались вместе посредством слов *сосоку* (взаимотождественность), *фуни* (недвойственность), *итинё* (единство).

С позиции логики места Нисида подходит к осмыслению того, что представляет собой познающий субъект: «Если мы должны определить сознание с точки зрения суждения, то... оно имеет предикативный характер... На обыденном уровне мы даже мыслим о “я” как единстве [грамматического] субъекта, обладающего различными качествами подобно вещи. Но “я” не является единством грамматического субъекта. Оно есть единство предиката. Оно представляет собой скорее круг, чем точку, скорее место, чем вещь» [Нисида 1965, 279].

В терминах принципа противоречивого тождества Нисида предлагает следующее определение «я»: «Наше истинное “я” не может определяться односторонне – как с точки зрения грамматического субъекта, так и с точки зрения предиката. Истинное “я” скорее появляется в измерении, где оно выступает как предикат самого себя в русле логики противоречивого тождества субъектности и предикативности... “Я” всегда следует понимать как находящееся в движении, как состояние активности сознания... В глубинах сознающего “я” всегда присутствует нечто, что его превосходит. И кроме того, то, что его превосходит, не является чем-то внешним по отношению к нему... Сознание всегда предполагает то обстоятельство, что “я” превосходит само себя, выходит за свои пределы, а также одновременно вещи становятся “я” и определяют его. Акт познания состоит в этом динамическом противоречивом тождестве познающего и познаваемого» [Нисида 1965с, 416–417].

В результате мы видим понимание субъекта не как вещи, обладающей набором неизменных свойств, а как постоянно меняющего свою конфигурацию фрагмента процесса самопостижения реальности, в котором нет четкой границы между «я» и вещами.

И именно локус сознательной деятельности образует основу единства субъекта.

Выводы

«Логика места» Нисиды представляет собой не столько логику в строгом смысле слова, сколько схематичное описание системы рациональности японской интеллектуальной традиции, хотя часто говорят, что это философская концептуализация и дискурсивное выражение религиозного сознания дзэн-буддизма и репрезентация махаянского принципа «абсолютного ничто». Сам Нисида утверждал, что он пытался построить диалектическую логику, которая в отличие от абстрактной логики соответствовала бы свойственному разным религиозно-философским традициям переживанию реальности единства отдельного и всеобщего, микро- и макрокосма в их динамике. Тем не менее, на наш взгляд, схема, созданная Нисидой, представляет интерес не только как попытка выявления логики религиозного мышления, но и в более широком контексте. Она помогает раскрыть механизмы недурального и процессуального мировосприятия, характерного для дальневосточной культурной традиции.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Миками 1960 – *Миками Акира*. Дзо ва хана га нагай на (У слона длинный хобот). – Токио: Куросио сьуппан, 1960.

Миками – 1963. *Миками Акира*. Нихонго но ронри ха то га (Японская логика: частицы *ва* и *га*). – Токио: Куросио сьуппан, 1963.

Ниси 1945 – Ниси Аманэ. Хякугаку рэнкан (Система наук) // Ниси Аманэ дзэнсю (Полное собрание сочинений Ниси Аманэ). Т. 1. – Токио: Нихон хёронся, 1945.

Нисида 1965 – *Нисида Китаро*. Басё (Место) // Нисида Китаро дзэнсю (Полное собрание сочинений Нисиды Китаро). Т. 4. – Токио: Иванами сётэн, 1965. С. 208–289.

Нисида 1965a – *Нисида Китаро*. Дзэттай мудзюнтэки дзико доицу (Абсолютно противоречивое тождество) // Нисида Китаро дзэнсю (Полное собрание сочинений Нисиды Китаро). Т. 9. – Токио: Иванами сётэн, 1965. С. 147–222.

Нисида 1965b – *Нисида Китаро*. Дэкаруто тэцугаку ницуитэ (О философии Декарта) // Нисида Китаро дзэнсю (Полное собрание сочинений Нисиды Китаро). Т. 11. – Токио: Иванами сётэн, 1965. С. 147–188.

Нисида 1965с – *Нисида Китаро*. Басётэки ронри то сюкётэки сэ-кайкан (Логика места и религиозное мировоззрение) // Нисида Китаро дзэнсю (Полное собрание сочинений Нисиды Китаро). Т. 11. – Токио: Иванами сётэн, 1965. С. 371–464.

Сыромятников 1978 – *Сыромятников Н.А.* Развитие новояпонского языка. – М.: Наука, 1978.

Танидзаки 1975 – *Танидзаки Дзюнъитиро*. Бунсё ёмихон (Книга о стиле языка). – Токио: Тюокоронся, 1975.

Токиэда 2007 – *Токиэда Мотоки*. Кокугогаку гэнрон (Принципы изучения родного языка). Ч. 1, 2. – Токио: Иванами сётэн, 2007.

Токиэда 2005 – *Токиэда Мотоки*. Нихон бумпо кого хэн (Грамматика японского разговорного языка). – Токио: Иванами сётэн, 2005.

Тояма 2006 – *Тояма Сигэхико*. Логика японского языка. Ч. 1. – Токио: Сайтама фукусикай, 2006.

Хасимото 1934 – *Хасимото Синкити*. Кокугохо ёсэцу (Основы японского языка). – Токио: Мэйдзи сёин, 1934.

Цукимото 2009 – *Цукимото Хироси*. Нихонго ва ронритэки дэ ару (Японский язык логичен). – Токио: Коданся, 2009.

Havens 1970 – *Havens T.R.H.* Nishi Amane and Modern Japanese Thought. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1970.

Place and Dialectic. Two Essays by Nishida Kitaro. – N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 2012.

REFERENCES

Hashimoto Shinkichi (1934) *Kokugoho yosetsu* [The Essentials of Japanese Grammar]. Tokyo: Meiji Shoin (in Japanese).

Havens T.R.H. (1970) *Nishi Amane and Modern Japanese Thought*. Princeton (NJ): Princeton University Press.

Mikami Akira (1960) *Zō wa hana ga nagai na* [Elephant Has a Long Nose]. Tokyo: Kuroshio Shuppan (in Japanese).

Mikami Akira (1963) *Nihon-no ronri: 'ha' to 'ga'* [Japanese Logic: Particles *wa* and *ha*]. Tokyo: Kuroshio Shuppan (in Japanese).

Nishi Amane (1945) *Hyakugaku Renkan* [Links of All Sciences]. In: *Nishi Amane Complete Works*. 1945. Vol. 1. Tokyo: Nihon Hyoronsha (in Japanese).

Nishida Kitaro (1965) *Basho* [Place]. In: *Nishida Kitaro Complete Works*. Vol. 4, pp. 208–289. Tokyo: Iwanami shoten (in Japanese).

Nishida Kitaro (1965a) *Zettai mujunteki jiko doitsu* [Absolutely Contradictory Self-Identity]. In: *Nishida Kitaro Complete Works*. Vol. 9, pp. 147–222. Tokyo: Iwanami shoten (in Japanese).

Nishida Kitaro (1965b) Dekaruto tetsugaku nit suite [On Philosophy of Descartes]. In: *Nishida Kitaro Complete Works*. Vol. 11, pp. 147–188. Tokyo: Iwanami shoten (in Japanese).

Nishida Kitaro (1965c) Bashoteki ronri to shukyoteki sekaikan [The Logic of Place and the Religious Worldview]. In: *Nishida Kitaro Complete Works*. Vol. 11, pp. 371–464. Tokyo, Iwanami shoten (in Japanese).

Place and Dialectic. Two Essays by Nishida Kitaro (2012). N. Y., Oxford: Oxford University Press.

Syromyatnikov N.A. (1978) *Development of the New Japanese Language*. Moscow: Nauka (in Russian).

Tanizaki Junichiro (1975) *Bunsho yomihon* [Book of Written Styles]. Tokyo: Chuokoronsha (in Japanese).

Tokieda Motoki (2007) *Kokugogaku genron* [Principles of the Study of Japanese]. Vol. 1, 2. Tokyo: Iwanami shoten (in Japanese).

Tokieda Motoki (2005) *Nihongo bunpo kogo hen* [Japanese Grammar: Colloquial Language]. Tokyo: Iwanami shoten (in Japanese).

Toyama Shigehiko (2006) *Nihongo-no ronri* [Logic of Japanese Language]. Part 1. Tokyo: Saitama fukushikai (in Japanese).

Tsukimoto Hiroshi (2009) *Nihongo wa ronriteki de aru* [The Japanese is Logical]. Tokyo: Kodansha (in Japanese).